

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 4 (81). С. 118–126.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2023; 4 (81):118–126.

Научная статья
УДК 811.161.1'373:327
DOI 10.37724/RSU.2023.81.4.012

Языковые средства реализации межкультурного взаимодействия и оценки политической конфронтации (на материале российского дипломатического дискурса)

Татьяна Викторовна Игнатьева
Академия ФСИН России, Рязань, Россия
Ignatjeva.ryazan@yandex.ru

Аннотация. Дипломатический дискурс является особым, так как в текстах различных жанров формулируется позиция государства и взгляды, личностная оценка автора. В межкультурном взаимодействии в условиях многоязычия осуществляется выбор языка общения, однако адресант должен учитывать особенности адресатов как представителей различных культур, помнить о национальных и международных традициях красноречия, проявлениях различных коммуникативных тактик.

Целью статьи является поиск языковых средств, способствующих формированию успешного межкультурного взаимодействия, а также изучение средств имплицитной и эксплицитной оценочности, необходимых для выражения коммуникативного настроения адресата.

В статье реализован комплексный подход к исследованию дипломатического текста, предусматривающий описание и анализ концептосферы и языковых средств в рамках дискурса и конкретного публичного выступления. На основе изучения определены языковые средства межкультурного взаимодействия (обращение и приветствие, дипломатические клише, прецедентные тексты (цитаты), синтаксический параллелизм, вопросительные предложения). Доказано влияние эмоционально окрашенных языковых средств на развитие дипломатического дискурса. В условиях изменений, происходящих в дипломатическом подстиле речи, в кризисной ситуации отмечается рост субъективизма дипломатического текста, выражающегося в использовании эмоционально окрашенной и разговорной лексики, передающей специфическую оценку в рамках национальной картины мира.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, имплицитная и эксплицитная информация, концепт, межкультурное взаимодействие, многоязычие (полилингвизм, мультилингвизм).

Для цитирования: Игнатьева Т. В. Языковые средства реализации межкультурного взаимодействия и оценки политической конфронтации (на материале российского дипломатического дискурса) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 4 (81). С. 118–126. DOI: 10.37724/RSU.2023.81.4.012.

Original article

Linguistic means of implementing intercultural interaction and assessments of political confrontation (based on Russian diplomatic discourse)

Tatyana V. Ignatyeva
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
Ignatjeva.ryazan@yandex.ru

Abstract. Diplomatic discourse is a special kind, since texts of various genres contribute to formulate the state's position and views, as well as the personal assessment of the author. In multilingual intercultural interaction, they choose the language of communication, but the addresser has to take into account the characteristics of

the recipients as representatives of different cultures, to mind the national and international traditions of eloquence, and features of various communication tactics.

The purpose of the article is to search for linguistic means that contribute to effective intercultural interaction, and also to study the means of implicit and explicit evaluation that are necessary to express the communicative setup of the recipient.

The present article employs a complex approach to diplomatic discourse, with consideration for description and analysis of its conceptual sphere and linguistic means in the specific public utterance. Based on these, we define certain means of intercultural communication (such as address and greeting, diplomatic clichés, precedent texts (quotations), syntactic parallelism, and questions). We demonstrate the influence of emotionally charged linguistic means on the development of diplomatic discourse. In the context of changes occurring in the diplomatic style of speech, a crisis situation evokes subjectivity that involves using emotionally charged and colloquial vocabulary that conveys a specific assessment, within the framework of the national worldview.

Keywords: diplomatic discourse, implicit and explicit information, concept, intercultural interaction, multilingualism (polylingualism and multilingualism).

For citation: Ignatyeva T. V. Linguistic means of implementing intercultural interaction and assessments of political confrontation (based on Russian diplomatic discourse). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2023; 4 (81):118–126. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.81.4.012.

Введение

Обострившаяся политическая обстановка актуализирует различные проблемы межкультурной коммуникации, в том числе имеющие лингвокультурологический характер. Межкультурную коммуникацию, по словам Н. Ф. Асланзаде, характеризуют как способность индивида или «обмен информацией на разных уровнях осведомленности между людьми, находящимися под влиянием разных культурных групп», когда происходит поиск возможностей взаимодействия [Новый мир ... , 2023, с. 498]. Язык выражает самобытность культуры, слова, составляющие его, определяют культурно-маркированную систему координат, устанавливающую ценностные ориентиры и картину мира. С точки зрения лингвокультурологии объяснение самобытности культуры следует искать в словах, которыми фиксируются образы предметов и явлений.

Одной из основных проблем межкультурной коммуникации можно считать ошибочные предположения о том, что одна культурная группа превосходит другие (этноцентризм) или что культуры имеют мало различий и основаны на единых принципах (см.: [Новый мир ... , 2023, с. 500]).

Для описания взаимодействия между разными речевыми сообществами как в пределах отдельных государств или регионов, так и на межгосударственном уровне используется термин «многоязычие» (полилингвизм, мультилингвизм). Принцип многоязычия реализуется в деятельности Организации Объединенных Наций, рабочими языками которой на данный момент являются английский, французский, русский, китайский, испанский и арабский. Прямая коммуникация между представителями различных культур требует выбора языка для общения [Гацаева, 2022, с. 31–32]. Средством преодоления языкового барьера является грамотный перевод, в основе которого лежит понимание многообразия значений, содержащихся в слове и тексте. Цель статьи заключается в поиске языковых средств русского языка как языка международного общения, способствующих повышению эффективности межкультурного взаимодействия, а также в анализе специфики языковых средств, используемых в условиях политической конфронтации.

Основная часть

Развитие дипломатического дискурса

Выделяют два основных типа дискурса в зависимости от направленности общения: персональный (лично ориентированный) и институциональный (статусно ориентированный) [Карасик, 2000, с. 5]. Выстраивая высказывание, говорящий выступает как личность, которой свойствен индивидуальный опыт и субъективные оценки, или как представитель определенного социального института. А. С. Кожетева понимает дипломатический дискурс как статусно ориентированный, характеризующий речевое взаимодействие сотрудников института дипломатии [Кожетева, 2012, с. 55]. Говорящий представляет государство, свой народ и в меньшей степени себя, предполагая, что такая же позиция будет сохранена в речи собеседников.

Дипломатическому дискурсу свойственны сжатость и точность изложения, употребление международной дипломатической терминологии (нота, консул, атташе, посол, поверенное лицо), использование латинских слов и выражений (*persona grata*, *status quo*), клише (на высшем уровне, западные столицы, конструктивный диалог), частотное употребление отглагольных имен существительных (разоружение, аннексия, распространение, усиление), сочетание экспрессивно-эмоционального компонента с позитивными коннотациями (см.: [Баландина, Кураченко, 2011, с. 23]). Стандартизованность текстов официальных публичных выступлений обусловлена повторяемостью профессиональных ситуаций, целями выступлений, кругом рассматриваемых вопросов, статусом и отношениями лиц, учреждений, государств (см.: [Максимов [и др.], 2004, с. 85]).

В настоящее время на язык дипломатии оказывает серьезное влияние общение в социальных сетях (О. Н. Буцкая использует термин «твитпломатия» [Новый мир ... , 2023, с. 529]), следствием этого становится демократизация и декодификация дипломатического языка, сближение его с публицистическим стилем общения.

Концептосфера и фразеология межкультурного взаимодействия

Для характеристики эффективности межкультурного взаимодействия необходимо исследование «границ понимания, обусловленных разницей в системах мировосприятия» [Орлов, 2013]. Одним из ключевых понятий современной лингвистики, способствующих анализу возможностей межкультурного взаимодействия и функционирующих в рамках когнитивной и лингвокультурной парадигм знания, является понятие концепта. Дж. Лакофф и М. Джонсон считают, что концепт управляет человеческим мышлением и влияет на человеческую повседневную деятельность, а также структурирует человеческие ощущения, поведение, отношение к другим людям [Лакофф, Джонсон, 2008, с. 25]. Концепт существует в сознании личности и выражает ее индивидуальные и социокультурные особенности.

В процессе общения в ООН между «взаимодействующими лицами» применяется определенный круг жанров речи, представители различных культур используют «согласованные ритуалы общения, проявляющиеся в институциональной публичной речи и речевом этикете» [Матакова, 2008, с. 192]. Дипломатический речевой этикет позволяет охарактеризовать концептосферу и фразеологию межкультурного взаимодействия.

Концептосфера стабильного, неконфликтного состояния в дипломатическом дискурсе во многом связана с деловым этикетом и общепринятой фразеологией, соответствующей стилевым нормам. О. Л. Гренадерова отмечает, что концепты «дружба, доверие, народ» имеют международный характер и являются выражением стремления к добрососедству в дипломатиях различных стран. Автор подчеркивает, что упомянутые концепты — «не просто устойчивые лексемы и обороты, не просто дань традиции, а эмоциональные послылы, посредством которых субъект дискурса репрезентует себя, формирует свой положительный имидж и стремится добиться от партнера адекватной реакции» [Гренадерова, 2019, с. 18].

Анализ речевых моделей приветствия и обращения в различных языках показал, что, как отмечает А. А. Гаджиева, «исследуемые категории содержат как эквивалентные, так и специфичные национально-культурные значения» [Новый мир ... , 2023, с. 537]. В российском дипломатическом дискурсе используются обращения, связанные с европейской культурной традицией, деловым этикетом и национальным представлением о добрососедстве и дружбе.

«Уважаемые коллеги, друзья,

Приветствую вас на ежегодном приеме по случаю Дня Африки.

Прежде всего, разрешите огласить послание Президента Российской Федерации В. В. Путина главам государств и правительств стран Африки:

“Уважаемые дамы и господа!

Примите сердечные поздравления по случаю Дня Африки — праздника, ставшего символом победы народов вашего континента над колониализмом, их стремления к свободе, миру и процветанию”» (курсив наш. — Т. И.) [Лавров ... , 7 июня 2023].

«Уважаемый г-н Председатель,

Уважаемый г-н Генеральный секретарь,

В первую очередь хочу поблагодарить наших сербских друзей за плодотворную работу на посту председателя ЧЭС» (курсив наш. — Т. И.) [Лавров ... , 13 июня 2023].

В рассмотренных нами выступлениях дипломатов, посвященных международному сотрудничеству, фиксируются выражения, значение которых можно связать с концептами «дружба» (*узы дружбы и солидарности, африканские друзья, истинные друзья, сердечные поздравления*), «сотрудничество» (*конструктивное сотрудничество, двустороннее сотрудничество, совместные усилия, региональная интеграция, евразийское партнерство, военная и иная поддержка*), «равенство» (*равенство, соблюдение международного права, невмешательство во внутренние дела*). Эти выражения соответствуют стилевым нормам и во многом являются стандартными.

Можно предположить, что в условиях обострения дипломатических отношений основой межкультурного взаимодействия становятся концепты «война (противостояние)», «мир (взаимодействие)», «устойчивое развитие», «друг/враг». Коммуниканты пытаются определить и продемонстрировать принципы доминирования, в дипломатическом тексте различных жанров появляются экспрессивно окрашенные слова, имеющие значение субъективной оценки, языковые единицы, не соответствующие стилевым нормам. Концептосфера и языковые средства характеристики конфликтного состояния в современном дипломатическом дискурсе требуют изучения.

При описании конфликтной ситуации широко используются образные выражения, на письме заключаемые в кавычки (*«коллективный запад», «смертный грех», «империя лжи», логика в духе «если бы», список «если бы», интересы «золотого миллиарда»*), экспрессивно окрашенная лексика и фразеология (*безумные санкции, пришли к ужасающим выводам, переложить проблемы с больной головы на здоровую, знать свое место и не лезть в чужие дела*), книжная лексика (*колониальный гнет, комплекс превосходства, двойные стандарты, экспансия НАТО*), сниженная, разговорная лексика (*приволок журналистов, носятся по миру, прикормленные ими СМИ, накачивать страну, выкатил огромное расследование, журналисты перелопатили более пяти с половиной тысяч страниц отчетов*) (см.: [Новый мир ... , 2023]). Отрицательная оценка в конфликтной ситуации, выраженная приведенными лексическими единицами, создает индивидуальные интонации речи и может быть правильно воспринята только в рамках национальной картины мира.

Речевое межкультурное взаимодействие: стандартные и оценочные языковые средства

В полной мере семантика языковых средств раскрывается при помощи комплексного текстового анализа. В качестве проявления речевого межкультурного взаимодействия в дипломатическом дискурсе рассмотрено выступление С. В. Лаврова на общеполитической дискуссии 77-й сессии ГА ООН (Нью-Йорк, 24 сентября 2022 года). М. В. Матакова интерпретирует специфику речи, звучащей в ООН, в соответствии с коммуникативно-прагматическими ситуациями формального общения: устная публичная и устная внутриорганизационная. Первый тип представлен на открытых заседаниях, ее адресатами являются присутствующие в зале дипломаты, эксперты и широкая общественность. К устной внутриорганизационной речи можно причислить открытые и закрытые заседания комитетов, контролирующих внутренний механизм функционирования организации, рабочих групп, на которых обсуждаются и вырабатываются итоговые документы (процесс редакции) [Матакова, 2008, с. 193]. Рассмотренное выступление — это устная публичная речь, в связи с этим актуализируются опора на ассоциативный ряд, подготовленность и соответствие жанру доклада, четкая структурная организация. Выступление посвящено проблемам внешней политики, построения многополярного мира и преодоления гегемонии США, обоснованности действий России как ответа на угрозу для мирного населения. Цель речи заключается в информировании и воздействии, она имеет состязательный характер, так как является частью общеполитической дискуссии, существующей в рамках Генеральной Ассамблеи.

Речь содержит проявления дипломатического этикета, например, обращение: «Уважаемая госпожа Председатель, уважаемые коллеги, дамы и господа». Отмечается особое значение местоимения, оно указывает на совместную волю правительства, народа и говорящего: «Мы приветствуем усилия Генерального секретаря» [Лавров ... , 24 сент. 2022]. С. В. Лавров делает краткое вступление, характеризующее острый момент во внешней политике (*непростой, драматический момент*). В тезисе ставится проблема будущего миропорядка (гегемония или сотрудничество): «Сегодня решается вопрос о будущем миропорядка — это ясно любому непредвзятому наблюдателю. Вопрос в том, будет ли это порядок с одним гегемоном, заставляющим всех жить по своим пресловутым правилам, выгодным только ему. Или это будет демократичный, справедливый мир — мир без шантажа и запугивания неугодных, без неонацизма и неоколониализма» [Там же].

Выступающий использует лексические единицы официально-делового стиля: *недоговороспособность, юридически-обязывающие договоренности, во исполнение статьи договора* и др. В речи часто называются слова с приставкой нео- (*неонацизм, неокolonизм, неолиберальный дискурс*), неологизмы (*русофобия*). В различных значениях и сочетаемости применяется слово «устойчивый», являющееся частью экономического термина «устойчивое развитие», содержащего внутренне противоречие: *устойчивость миропорядка, устойчивое впечатление, формирование равноправной, социально ориентированной и устойчивой многополярной архитектуры* (см.: [Игнатьева, 2022, с. 1550]).

Оратор использует клише, но острая политическая ситуация заставляет активно отстаивать свою позицию и применять различные средства выразительности и оценочности, создающие убедительность высказывания. К ним можно отнести эмоционально окрашенные лексические единицы, образные выражения, некоторые синтаксические конструкции. М. В. Беляков выделяет внешне субъективную и собственно субъективную оценочность речи в институциональном дипломатическом дискурсе. Внешне субъектная оценочность характеризуется тем, что «в большинстве случаев формально внешним, остающимся за рамками прямого дискурса субъектом является государство». Намного реже встречается собственно субъективная, то есть личная, оценка. По мнению Белякова, «чем выше уровень профессионализма дипломата, тем меньше в официальных речах можно встретить субъективной оценки» [Беляков, 2020, с. 226]. Свои выводы автор делает на основе первой речи С. В. Лаврова в качестве постоянного представителя в СБ ООН («одной из имплицитных задач выступления была самопрезентация С. В. Лаврова»). В этой речи количество дипломатических и оценочных клише сбалансировано [Там же, с. 231].

Дипломатический дискурс предусматривает функционирование явлений эксплицитности и имплицитности в значении языковых средств. Оценочные значения являются одной из частных разновидностей имплицитной/эксплицитной информации. Имплицитные компоненты значения, не имеющие самостоятельного выражения в языке, проявляются в контексте (см: [Шептухина, 2006, с. 249]). В речи С. В. Лаврова находим пример *священные права безнаказанно действуют*: «Когда-то, провозгласив победу в холодной войне, Вашингтон возвел себя чуть ли не в ранг посланника Господа Бога на Земле, у которого нет обязательств, а есть только “священные” права безнаказанно действовать — как и где угодно» [Лавров ... , 24 сент. 2022].

Как отмечают исследователи, эксплицитная оценка — аксиологическое значение, закрепленное в семантической структуре языковых единиц и объективированное в ее словарной статье (см.: [Крылова, 2013, с. 6]). В рассматриваемом выступлении министра иностранных дел эксплицитная оценка звучит многократно в ряде словосочетаний: *положение деградирует, пресловутые правила, пресловутая доктрина Монро, шантаж, запугивание, чистой воды диктатура, Запад закатил истерику, зверские этнические чистки, выкручивают руки, превратив весь земной шар в свой «задний двор»* [Лавров ... , 24 сент. 2022]. Часто эксплицитная оценка связана с использованием разговорных языковых средств.

В выступлении С. В. Лаврова используются устоявшиеся образные выражения (*однополярная модель, золотой миллиард, остановить маховик истории*), оксюморон (*прогрессирующий упадок*) и олицетворение (*неумолимые факты, рестрикции бьют по гражданскому населению*) [Лавров ... , 24 сент. 2022]. В речи российских политиков применяются нетривиальные фигуры речи, например аллегорические картины. В дипломатическом дискурсе аллегория ограничивается образностью фразеологии.

Исследуя дипломатический дискурс, Т. В. Демьянова отмечает: «В традициях русской коммуникативной культуры не принято вуалировать откровенность волеизъявления. Директивные высказывания часто откровенно побуждают к действию, они громко апеллируют к чувству долга, считая необязательным прибегать к иносказаниям...» [Демьянова, 2022, с. 32]. В выступлении С. В. Лаврова факты, обосновывающие позицию России, выражены с помощью вопросов, что учитывает традиции международного взаимодействия и заставляет задуматься, прежде чем дать отрицательный ответ: «В чем действия России ущемляли действия оппонентов? Какова ситуация на Ближнем Востоке? Назовите места, где жизнь стала лучше? Может быть, нам не могут простить... что мы распустили Организацию Варшавского договора... поверили обещаниям Запада? Мы... должны были мириться с курсом Киева на запрет русского языка?» [Лавров ... , 24 сент. 2022]. Побуждение к действию выражено прямо: «Россия призывает активизировать работу по

урегулированию региональных конфликтов, считаем приоритетными задачи преодоления тупика в создании независимого Палестинского государства...» [Лавров ... , 24 сент. 2022].

Т. В. Демьянова рассматривает функционально-семантическую категорию субъективной модальности, реализуемой включением вводных слов, словосочетаний и предложений, модальных частиц, при помощи порядка слов. Подобные явления отмечаем в рассматриваемой речи. Слово «разве» употребляется для выражения сомнения, недоумения, связи однородных конструкций и создания синтаксического параллелизма (см.: [Демьянова, 2022, с. 32]): «Мы все помним, как под надуманными предлогами были развязаны агрессивные войны против далеких от американских берегов Югославии, Ирака, Ливии, унесшие сотни тысяч жизней. Хотя в одной из этих стран разве были затронуты действительно законные интересы США, разве там запрещали английский или языки других стран — членов НАТО, запрещали западные средства массовой информации, культуру, разве объявляли англосаксов нелюдьми, применяли против них тяжелые вооружения?» [Лавров ... , 24 сент. 2022].

Интересный материал для сравнения русских и иностранных дипломатических текстов предлагает работа Н. В. Алонцевой и Ю. А. Ермошина, в которой произведен «анализ содержательно-композиционной и языковой структуры 300 текстов официальных публичных выступлений» на международных дипломатических конференциях. Авторы подчеркивают важную роль синтаксического параллелизма в создании связности, логичности и точности официального публичного выступления (ОПВ) на английском языке: «Так как синтаксический параллелизм призван усилить общую воздействующую силу речи, выступающий, как правило, использует данный прием при развертывании аргументации при убеждении» [Алонцева, Ермошин, 2013, с. 17].

Образность рассматриваемой речи усиливают цитирование и обращение к авторитетам в финале. В условиях многоязычия введение цитаты требует особого мастерства, так как «указанные феномены относятся к ядерным элементам “национальных” культур, через которые их представители видят и членят мир, и в разных культурах существуют специфические принципы этого членения» [Алонцева, Ермошин, 2013, с. 19]. Министр иностранных дел напомнил слова бывшего Генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда, который когда-то заявил, что организация «была создана не для того, чтобы привести человечество в рай, а чтобы спасти его от ада» [Лавров ... , 24 сент. 2022]. Действующий Генеральный секретарь становится единственным адресатом (используется только одно обращение), олицетворением мировой справедливости и хранителем авторитета ООН. Таким образом, цитата становится интересным средством межкультурного взаимодействия.

Языковые средства различных стилей подчеркивают главную мысль выступающего. Композиционно речь построена на противопоставлении моделей поведения США и России. В тексте наблюдается сбалансированное использование различных оценочных средств, передающих позицию государства и личный настрой оратора.

Субъективная эксплицитная оценка часто связана с применением разговорных языковых средств. Неконфликтный настрой подчеркнут актуализацией вопросительных конструкций, призывающих к здравой оценке ситуации представителями различных культур. Цель речи четко сформулирована в тезисе и призыве к действию.

В заключительной части звучит обращение к авторитету ООН. С. В. Лавров призвал ООН вернуть себе репутацию площадки честных дискуссий. Министр иностранных дел считает важным воспользоваться предоставленной возможностью, чтобы в очередной раз заявить, что Российская Федерация разделяет со всем мировым сообществом цели и ответственность за сохранение мира и правопорядка.

Заключение

Тексты, созданные для реализации межкультурного взаимодействия, объединяют признаки официально-делового, публицистического и разговорного стилей речи, что в ряде случаев служит причиной отклонения от языковой (стилистической) нормы. Такие отклонения связаны с необходимостью характеристики и оценки ситуации политической стабильности или конфронтации. Специалисты обращали внимание на значимость экспрессивно окрашенного компонента с позитивными коннотациями в дипломатическом тексте различных жанров. На наш взгляд, этот компонент в значительной степени связан с этикетными проявлениями и не приво-

дит к отступлениям от стилевой нормы. Существенные изменения в структуре текста влечет необходимость оценки ситуации политической конфронтации. Автор текста использует различные способы воздействия, средства эксплицитной и имплицитной оценки. Современный дипломатический язык претерпевает серьезные трансформации.

В статье мы выделили языковые средства, соответствующие стилевым требованиям и являющиеся основой межкультурного взаимодействия при выборе русского языка как средства общения в сфере международных отношений. В качестве таких языковых средств можно обозначить:

- обращение и приветствие;
- дипломатические клише;
- прецедентные тексты (цитаты);
- синтаксический параллелизм;
- вопросительные предложения.

Их можно рассматривать как рациональные средства воздействия, одинаково понимаемые представителями различных культур.

В ситуации обострения дипломатических отношений отмечается рост использования эмоционально окрашенной и разговорной лексики, не соответствующей стилевым нормам и передающей специфическую оценку ситуации в рамках национальной картины мира. Мы наблюдаем рост субъективизма в дипломатическом тексте в кризисной ситуации. Это касается как выступлений дипломатов на международных конференциях, так и дипломатических текстов, адресованных российской аудитории.

Список источников

1. Алонцева Н. В., Ермошин Ю. А. О некоторых лингвистических особенностях официальной публичной речи // Вестник РУДН. Сер. «Лингвистика». — 2013. — № 2. — С. 12–22.
2. Баландина Л. А., Кураченкова Г. Ф. Язык дипломатии: традиции и современность // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. — Ростов н/Д., 2011. — С. 6–15.
3. Беляков М. В. Квантитативно-лингвоаксиологический анализ речей в совете безопасности ООН (русский дипломатический дискурс) // Вестник Московского государственного областного университета. — 2020. — № 3. — URL : <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/70> (дата обращения: 10.06.2023).
4. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром общественных работ, жилья и водных ресурсов Республики Мозамбик К. Мешкиты по итогам переговоров (Мапуту, 31 мая 2023 г.). — URL : https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1873412/ (дата обращения: 10.06.2023).
5. Гацаева Р. С.-А. Многоязычие как один из путей межкультурного взаимодействия в условиях интернационализации // Тенденции развития науки и образования. — 2022. — № 81-4 — С. 31–32. — DOI: 10.18411/trnio-01-2022-130.
6. Гренадерова О. Л. Языковые средства формирования положительного имиджа страны (на материале португальского дипломатического дискурса) // Филологические науки в МГИМО. — 2019. — № 3 (19). — С. 14–20. — DOI: 10.24833/2410-2423-2019-3-19-14-20.
7. Демьянова Т. В. Прагматические установки употребления речевых стратегий маневрирования в контексте дипломатического дискурса // Вестник ЧГПУ имени И. Я. Яковлева. — 2022. — № 3 (116) — С. 27–36. — DOI: 10.37972/chgpu.2022.116.3.004.
8. Игнатъева Т. В. Агноним как часть активного словарного запаса // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : сб. тез. выступ. и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. — Рязань : Акад. ФСИН России, 2022. — Т. 2. — С. 1548–1551.
9. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. — Волгоград ; Саратов : Перемена, 2000. — С. 5–20.
10. Кожетева А. С. Дипломатический дискурс как особый вид институционального дискурса // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер. «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». — 2012. — Вып. № 1 (17). — С. 54–63.
11. Крылова М. Н. Концепт «север» в образной системе современного русского сравнения // Сибирский филологический журнал. — 2013. — № 4. — С. 215–220.
12. Лавров С. В. на общеполитической дискуссии 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (Нью-Йорк, 25 сент. 2021 г.). — URL : https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1777106/ (дата обращения: 13.11.2022).

13. Лавров С. В. на общеполитической дискуссии 77-й сессии ГА ООН (Нью-Йорк, 24 сент. 2022 г.). — URL : <https://yandex.ru/video/preview/16017589650434731336> (дата обращения: 13.11.2022).
14. Лавров С. В. на приеме по случаю Дня Африки (Москва, 7 июня 2023 г.). — URL : https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1886041/ (дата обращения: 10.06.2023).
15. Лавров С. В. на 46-м заседании СМВД ЧЭС (13 июня 2023 г.). — URL : https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1887611/ (дата обращения: 15.06.2023).
16. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М. : ЛКИ, 2008. — 256 с.
17. Максимов В. И. [и др.]. Стилистика и литературное редактирование : учеб. для студентов вузов. — М. : Гардарики, 2004. — 651 с.
18. Матакова М. В. Жанровые особенности текстов выступлений в ООН // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. — 2020. — Вып. 8 (837). — С. 191–203.
19. Новый мир. Новый язык. Новое мышление : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. И. Е. Коптелова. — М., 2023. — Вып. VI. — С. 497–501, 524–529, 534–537.
20. Орлов М. О. Межкультурная дискурсивная стратегия: социально-философский анализ взаимодействия России и Китая // Известия Саратовского ун-та. Новая сер. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». — 2013. — Т. 13., вып. 2. — С. 46–50.
21. Ответ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на вопрос журнала «Международная жизнь» (9 июня 2023 г.). — URL : https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1886445/ (дата обращения: 10.06.2023).
22. Шептухина Е. М. Эксплицитность/имплицитность смысловой структуры русских глаголов со связанными основами // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов. — Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2006. — С. 249–255.

References

1. Alontseva N. V., Yermoshin Yu. A. On certain linguistic features of official public speech. *Vestnik RUDN. Ser. "Lingvistika"* [Bulletin of RUDN University. Ser. "Linguistics"]. 2013, iss. 2, pp. 12–22. (In Russian).
2. Balandina L. A., Kurachenkova G. F. The language of diplomacy: traditions and modernity. *Yazyk i pravo: aktualnyye problemy vzaimodeystviya* [Language and law: current problems of interaction]. Rostov-on-the-Don, 2011, pp. 6–15. (In Russian).
3. Belyakov M. V. Quantitative-linguoaixiological analysis of speeches in the UN Security Council (Russian diplomatic discourse). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Regional University]. 2020, iss. 3. Available at: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/70> (accessed: 10.06.2023). (In Russian).
4. *Vystupleniye i otvety na voprosy SMI Ministra inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii S. V. Lavrova v khode sovmestnoy press-konferentsii s Ministrom obshchestvennykh rabot, zhilya i vodnykh resursov Respubliki Mozambik. Meshkity po itogam peregovorov (Maputu, 31 maya 2023 g.)* [Speech and answers to media questions by Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S. V. Lavrov during a joint press conference with the Minister of Public Works, Housing and Water Resources of the Republic of Mozambique K. Mysh kits following the negotiations (Maputo, May 31, 2023)]. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1873412/ (accessed: 10.06.2023). (In Russian).
5. Gatsaeva R. S.-A. Multilingualism as one of the ways of intercultural interaction in the conditions of internationalization. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the development of science and education]. 2022, iss. 81-4, pp. 31–32. DOI: 10.18411/trnio-01-2022-130. (In Russian).
6. Grenaderova O. L. Linguistic means of forming a positive image of the country (based on the material of Portuguese diplomatic discourse). *Filologicheskiye nauki v MGIMO* [Philological Sciences at MGIMO]. 2019, iss. 3 (19), pp. 14–20. DOI: 10.24833/2410-2423-2019-3-19-14-20. (In Russian).
7. Demyanova T. V. Pragmatic guidelines for the use of speech maneuvering strategies in the context of diplomatic discourse. *Vestnik CHGPU imeni I. Ya. Yakovleva* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev]. 2022, iss. 3 (116), pp. 27–36. DOI: 10.37972/chgpu.2022.116.3.004. (In Russian).
8. Ignatyeva T. V. Agronym as part of the active vocabulary. *Ugolovno-isspolnitelnaya sistema na sovremennom etape s uchetom realizatsii Kontseptsii razvitiya ugolovno-isspolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda: sb. tez. vystup. i dokl. uchastnikov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 t.* [Penal system at the present stage, taking into account the implementation of the Concept of development of the penal system of the Russian Federation for the period until 2030: collection abstract protrusion and report participants of the International scientific-practical conf.: in 2 vols.]. Ryazan, Acad. FSIN of Russia Publ., 2022, vol. 2, pp. 1548–1551. (In Russian).
9. Karasik V. I. On the types of discourse. *Zykovaya lichnost: institutsionalnyy i personalnyy diskurs: sb. nauch. tr.* [Language personality: institutional and personal discourse: collection of research works]. Volgograd, Saratov, Peremena Publ., 2000, pp. 5–20. (In Russian).

10. Kozheteva A. S. Diplomatic discourse as a special type of institutional discourse. *Nauchnyy Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Ser. "Sovremennyye lingvisticheskiye i metodiko-didakticheskiye issledovaniya"* [Scientific Bulletin of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Ser. "Modern linguistic and methodological-didactic research"]. 2012, iss. 1 (17), pp. 54–63. (In Russian).
11. Krylova M. N. The concept of "North" in the figurative system of modern Russian comparisons. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2013, iss. 4, pp. 215–220. (In Russian).
12. Lavrov S. V. *na obshchepoliticheskoy diskussii 76-y sessii General'noy Assambleyi OON (Nyu-York, 25 sent. 2021 g.)*. [Lavrov S. V. at the general political discussion of the 76th session of the UN General Assembly (NY, Sept. 25, 2021)]. Available at: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1777106/ (accessed: 13.11.2022). (In Russian).
13. Lavrov S. V. *na obshchepoliticheskoy diskussii 77-y sessii GA OON (Nyu-York, 24 sent. 2022 g.)*. [Lavrov S. V. at the general political discussion of the 77th session of the UN General Assembly (NY, Sept. 24, 2022)]. Available at: <https://yandex.ru/video/preview/16017589650434731336> (accessed: 13.11.2022). (In Russian).
14. Lavrov S. V. *na priyome po sluchayu Dnya Afriki (Moskva, 7 iyunya 2023 g.)*. [Lavrov S. V. at a reception on the occasion of Africa Day (Moscow, June 7, 2023)]. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1886041/ (accessed: 10.06.2023). (In Russian).
15. Lavrov S. V. *na 46-m zasedanii SMID CHES (13 iyunya 2023 g.)*. [Lavrov S. V. at the 46th meeting of the BSEC Council of Foreign Ministers (June 13, 2023)]. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1887611/ (accessed: 15.06.2023). (In Russian).
16. Lakoff J., Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors by which we live]. Transl. from English. Ed. by and with a preface by A. N. Baranov. Moscow, LK Publ., 2008, 256 p. (In Russian).
17. Maksimov V. I. [et al.]. *Stilistika i literaturnoye redaktirovaniye: ucheb. dlya studentov vuzov* [Stylistics and literary editing: textbook for university students]. Moscow, Gardariki Publ., 2004, 651 p. (In Russian).
18. Matakova M. V. Genre features of texts of speeches at the UN. *Vestnik MGLU. Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of MSLU. Humanitarian sciences]. 2020, iss. 8 (837), pp. 191–203. (In Russian).
19. *Novyy mir. Novyy yazyk. Novoye myshleniye: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [New world. New language. New thinking: materials of the VI International. scientific-practical conf.]. Ed. by I. E. Koptelova. Moscow, 2023, iss. VI, pp. 497–501, 524–529, 534–537. (In Russian).
20. Orlov M. O. Intercultural discursive strategy: social and philosophical analysis of interaction between Russia and China. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya ser. Ser. "Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika"* [News of Saratov University. New series. Ser. "Philosophy. Psychology. Pedagogy"]. 2013, vol. 13, iss. 2, pp. 46–50. (In Russian).
21. *Otvet Ministra inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii S. V. Lavrova na vopros zhurnala "Mezhdunarodnaya zhizn" (9 iyunya 2023 g.)* [Answer of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S. V. Lavrov to a question from the "International Affairs" Journal (June 9, 2023)]. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1886445/ (accessed: 10.06.2023). (In Russian).
22. Sheptukhina E. M. Explicitness/implicitness of the semantic structure of Russian verbs with their associated stems. *Semantiko-diskursivnyye issledovaniya yazyka: eksplitsitnost/implitsitnost vyrazheniya smyslov* [Semantic-discursive studies of language: explicitness/implicitness of the expression of meanings]. Kaliningrad, I. Kant BFU Publ., 2006, pp. 249–255. (In Russian).

Информация об авторе

Игнатьева Татьяна Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков Академии ФСИН России (Рязань).

Сфера научных интересов: стилистика, языковая игра, методика преподавания русского языка, речевой этикет, медиадискурс.

Information about the author

Ignatyeva Tatyana Viktorovna — candidate of philology, associate professor of the Department of Russian and Foreign Languages at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Research interests: stylistics, language play, methods of teaching the Russian language, speech etiquette, media discourse.

Статья поступила в редакцию 03.07.2023; принята к публикации 24.10.2023.

The article was submitted 03.07.2023; accepted for publication 24.10.2023.